

Автор - Михаил Тенников, Санкт-Петербург (Россия).

Акелдама́

...четырнадцать сов и шестнадцать чужих богинь;
на влажном песчанике - след от босой ноги,
как слепок моллюска. Глядит на зарю Лука
и звёзды следят за поклёвками кадыка.
Лука неподвижен. Он шепчет, слезу тая:
когда бы не жатва, когда бы не речь Твоя -
лечил рыбарей бы, да жён, да горластых чад...
Но подвиг иной уготовил Ты для врача.

...в низине, на ветви, в плену молодых лучей
висел ученик - из возлюбленных - казначей.
Тянул богачу потроха, свеживал пята
внимательный сокол, а рядом - кричал петух.
Воистину - камень, заброшенный позже в Рим
шипел на рассвете слезой - угловат, незрим;
шипели слова, испаряясь что дождь скупой.
И мир отворялся бегущей к горе тропой...

...блестела Афина, мерцала впотьмах сова;
два лика монеты - одна на века молва,
два мужа, два сына, к суду - две больных души, -
один только трепет - как Он их судьбу решит.
...земля благодарна, корми её. Все дела -
изрёк кровопийца, которого смерть ждала;
но дальше участка неведомо - кто важней
Паллады немой, да совы в обороте к ней...

Lighthouse keeper

...я не узнал его в рыхлой ночи сперва;
форму фигуры привычно делил на два
собственных имени. Впрочем, кому какой
толк от имён на скрещенье прямых рукой...?
Он поднимается в гору без счёту лет
и растворяется в свете – там, на скале,
где даже птица не пробует вить гнезда.
В час, когда ветер лют и не горит звезда
он зажигает свою, указуя кров
местоблюстителям чуда, ловцам даров,
бледного льна собирателям и ткачам.

...море гремело внизу. Человек молчал.
Мне показалось – звенели его шаги;
в тянущей мгле, где уже ничего, ни зги,
где и ключи и печати на все пути, –
он поднимается в гору. Чтобы спасти.

Железнодорожное

А. М.

...балтийского ветра сырая взвесь
доносит прилива звук;
скажу что беззвёздно, что дико здесь
и мысли и существу.
В молочные сумерки лист упал,
а следом ещё, ещё,
и голой луны голубой опал –
меж ливневой тучи щёк.

...легко забываешь сложенья знак,
когда язычок – в Клико;
и дюйм вырастает в сажень... Я знал –
союз забывать легко.

Где губ обезумевших немота,
где шпалы смолёной кость –
двойник воскресает, что жизнь мотал
мою – на земную ось.
Вокзалов содом, тепловозов клич,
и снова – ток в провода.
И волю – сковывает паралич.
В титане – кипит вода.
Довольно лишь веку позволить скрыть
больного зрачка очаг –
двойник проявляет кошачью прыть,
хватается за рычаг.
И кажется, стали горячей визг
пронзает до мозжечка;
я слышу – летит на ковёр сервис
в купе у проводника.
...глаза открываю – и тишина,
простыл наважденья след.

...ты мне не любовница, не жена;
сжимаю в руке билет...
тот северо-запад пустых тревог
вагоны уносят прочь.

И нету вины, что простить не смог.

И скорый вырастает в ночь.

